ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1.0+821.133.1.0

DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.04

К.В. Душенко*

«СЛУЧАЙ, МГНОВЕННОЕ ОРУДИЕ ПРОВИДЕНИЯ»: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ПУШКИНСКОГО АФОРИЗМА

Аннотация. Сближение случая и Провидения было обычным в литературе XVIII – первых десятилетий XIX вв., однако у Пушкина эта проблема ставится в историософском контексте. Пушкинский афоризм «Случай – мощное, мгновенное орудие Провидения» имел ряд параллелей во французской литературе, в том числе в работах консервативных публицистов 1800–1820-х годов. Мнение, что Пушкин полемизирует здесь с французскими историками эпохи Реставрации, недостаточно обоснованно. Выражение «формула истории», играющее важную роль в заметках Пушкина, принадлежит философу-традиционалисту П.С. Балланшу, но понятие «провиденциального случая», введенное Балланшем, Пушкину, по-видимому, не было известно. В статье рассматриваются также наиболее известные афоризмы из близкого смыслового ряда: «Случай – ходячее прозвище Провидения» (Н. Шамфор), «Случай – псевдоним Бога» (Т. Готье) и т.д.

Ключевые слова: историософия; афоризмы; А.С. Пушкин; Боэций; Джованни Паоло Марана; Н. Шамфор; Т. Готье; Т. де Квинси; Ж. де Местр; П.С. Балланш.

Получено: 05.02.2021

Принято к печати: 06.03.2021

* Душенко Константин Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117997, Москва, Россия. E-mail: kdushenko@nl.n.ru

Konstantin V. Dushenko – PhD in History, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt 51/21, 117997, Moscow, Russia. E-mail: kdushenko@nl.n.ru

Для цитирования: Душенко К.В. «Случай, мгновенное орудие Провидения»: культурно-исторический фон пушкинского афоризма // Литературоведческий журнал. 2021. №1(51). С. 38–54. DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.04

Konstantin V. Dushenko
«Chance, an instant instrument of Providence»:
about the cultural and historical background and parallels
of Pushkin's aphorism

Abstract. The convergence of chance and Providence was common in the literature of the eighteenth and first decades of the nineteenth centuries, however, Pushkin poses this problem in a historiosophical context. Pushkin's aphorism «Chance, the mighty, instant instrument of Providence» had a number of parallels in French literature, including the works of conservative publicists of the 1800–1820 s. The opinion that Pushkin is polemicizing here with French historians of the Restoration era is not sufficiently substantiated. The expression «formula of history», which plays an important role in Pushkin's notes, belongs to french traditionalist P.S. Ballanche, but the concept of «providential hasard», introduced by Ballanche, to Pushkin, apparently, was not known. The article also considers the most famous aphorisms from the close semantic series: «Chance is a nickname for Providence» (N. Chamfort), «Chance is the pseudonym of God» (T. Gautier) etc.

Keywords: historiosophy; aphorisms; A.S. Pushkin; Boethius; Giovanni Paolo Marana; N. Chamfort; T. Gautier; T. de Quincey; J. de Maistre; P.-S. Ballanche.

Received: 05.02.2021

Accepted: 06.03.2021

For citation: *Dushenko K.V.* «Chance, an instant instrument of Providence»: about the cultural and historical background and parallels of Pushkin's aphorism. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no.1(51), 2021, pp. 38–54. (In Russ.) DOI: 10/31249/litzhur/2021.51.04

Случай и Провидение

В наброске рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. Полевого (1830) Пушкин писал: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра.

Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* – мощного, мгновенного орудия Провидения» [13, с. 127¹].

Может показаться, что (цитируем современного автора) «Пушкин парадоксально объединяет случай и предопределение» [8, с. 33]. Однако тут мы имеем дело с абберацией восприятия текста, отдаленного от нас во времени. Само по себе сближение двух этих понятий было тогда общим местом.

Во французской литературе XVIII–XIX вв. вполне обычны формулы «случай, или Провидение», «случай, или, скорее, Провидение». Нередко они используются как языковые клише, вне какого-либо философского контекста, напр.: «...Случай, или, лучше сказать, провидение хотело, чтобы она была в очень плохих отношениях с герцогиней Бургундской» (Луи де Сен-Симон, «Мемуары», 1694–1723) [43, р. 243].

Проблема соотношения случая и провидения (пока еще не с прописной буквы!) была поставлена стоиками. Важное место она занимает у Боэция. Согласно Боэцию, «...божественный порядок все так располагает, что даже представляющееся отклонившимся от этого порядка, хотя и кажется чем-то иным, но все же остается порядком, чтобы не было места случайности в царстве провидения»; «...Кто осмелится утверждать, что в этом упорядоченном мире остается место для случайности, если Бог все располагает?» («Утешение философией» (ок. 524 г.), IV, 6; V, 1).

В христианской философии это воззрение стало аксиомой. Антуан Равель в трактате «О Провидении Божиим» (1650), гл. 12, писал: «Если случай, говоря языком Боэция, всего лишь слово, лишенное смысла, тогда то, что мы называем случаем, будучи обманчивым по отношению к нам, тем не менее строго следует Законам Провидения» [41, р. 182].

Лафонтен идет в русле той же традиции: «...то, что у древних Случай, / А у нас Провидение» («...que le Hasard parmi l'antiquité, / Et parmi nous la Providence») («Астролог, упавший в колодезь»; «Басни» II, 13, 1668) [33, р. 84].

¹ В академическом собрании «провидение» напечатано со строчной, хотя в рукописи – с прописной [см.: 1, с. 219].

Редкий пример использования оборота «орудие Провидения» в связи с темой «случайность и Провидение» встречается в письме Хораса Уолпола (1717–1797), английского писателя и политика: «...Я держусь того странного мнения, что то, что именуют случайностью (chance), есть орудие Провидения (the instrument of Providence) и тайный агент, который противодействует тому, что люди называют мудростью, и поддерживает порядок, непрерывность и преемственность целого <...>» (письмо к графине Анне Оссори от 19 января 1777 г., опубл. в 1848 г.) [47, p. 262].

«Странное мнение» Уолпола не слишком разнилось от традиционных представлений о совершенстве мироздания: «...Несмотря на все наши жалобы, – продолжает он, – почти каждый человек на земле в целом испытывает больше счастья, чем страданий; а потому, если бы мы могли исправить мир по мерке наших фантазий и с самыми лучшими намерениями, какие только можно вообразить, мы, вероятно, только произвели бы на свет еще больше страданий и беспорядка» [47, p. 262–263].

В пушкинском наброске тема «случай и Провидение» выступает не в «житейском» и не в общеполитическом контексте, но как проблема историософии. Понятие случая здесь конкретизируется: «...Никто не предсказал ни Нап.<олеона>, ни Полиньяка» [13, с. 127]. (Герцог де Полиньяк, ультрароялист, был инициатором ордонансов 25 июля 1830 г., ставших непосредственной причиной Июльской революции.)

Наименование Наполеона «орудием Провидения» было обычным в эпоху Империи, как в эмигрантской среде, так и в самой Франции. Крайний консерватор Жозеф де Местр называл Наполеона «великим и страшным орудием в руках Провидения, которое использует его, чтобы ниспровергнуть то или иное» (дипломатическое донесение из Петербурга от 7/19 января 1809 г.) [36, p. 155].

Пушкинские определения «мощное, мгновенное» по отношению к «орудию провидения» имеют близкие параллели в одном из центральных сочинений де Местра – «Рассуждения о Франции» (1797). Неожданность, необычайная скорость и всепоглощающая сила происходящего всячески здесь подчеркиваются: «...Первым условием объявленной революции является то, что не существует ничего, способного ее предупредить <...>. Самое поразительное во

французской Революции – увлекающая за собой ее мощь (*cette force entraînante*), которая устраняет все препятствия» (гл. 1); «Если Провидение повелело быстрее образовать политическую конституцию, то появляется человек, наделенный непостижимой мощью (*une puissance indéfinissable*)» (гл. 6) [9, с. 14, 84; 35, р. 5, 96].

Политические и религиозные взгляды автора «Рассуждений...» были чужды Пушкину, но де Местр интересовал его как оригинальный мыслитель. В библиотеке Пушкина имелось 2-е издание (1831) книги де Местра «Санкт-Петербургские вечера, или Беседы о мирском правлении Провидения»; по предположению Н.В. Измайлова, Пушкин познакомился с «Вечерами» вскоре по выходе 1-го издания (1821) [6, с. 126]. Учитывая огромный интерес поэта к Французской революции и широкую известность «Рассуждений о Франции», можно предположить, что и это сочинение было знакомо Пушкину.

Пушкин и французские историки-романтики

В научной литературе указывалось на близость пушкинской формулы «Случай – орудие Провидения» к концепции «провиденциального случая» («*le hasard providentiel*») Пьера Симона Балланша (1776–1847).

Эта концепция изложена в приложении ко 2-му изданию первого тома историософского сочинения Балланша «Опыты социальной палингенезии», озаглавленному «Размышления о различных предметах» (1830). Автор рассматривает вопрос о «согласии Божественного Провидения, правящего посредством вечного закона, с человеческой свободой» [23, р. 382]. С одной стороны, «человеческая свобода всегда ограничена неким общим законом». С другой стороны, существует «явление, которое не имеет названия и которое я бы дерзнул назвать провиденциальным случаем, – т.е. такое, которое, ввиду ограниченности нашего разума, выглядит как случайность, но подчиняется законам некой особой статистики, подобно колебанию маятника и равновесия жидкостей. <...> То, что случайно, что невозможно предвидеть <...>, [тем не менее] должно приниматься в расчет». «...Непредвиденное обстоятельство (*contingence*), единственное реализованное среди миллионов возможных непредвиденных обстоятельств, в свою очередь, изменит

ближайшие или отдаленные непредвиденные обстоятельства, каждое из которых окажет различное влияние на другие миллионы непредвиденных обстоятельств». Так выглядит дело с точки зрения человека, но не для «божественного предвидения» [23, р. 382–383].

Фактор «встроенной» в план Провидения случайности как раз и гарантирует свободу воли, а следовательно, и совести, без чего человек не был бы нравственным существом.

А. Долинин, по-видимому, предполагает знакомство Пушкина с этой концепцией [27, р. 297]. С.А. Кибальник утверждает более определенно: в своей рецензии Пушкин «очевидным образом сосредоточен на “провиденциальном случае” (термин Балланша²)» [7, с. 71].

Пушкинские наброски писались в октябре-ноябре того же 1830 г., в котором были опубликованы «Разышления...» Балланша. Вероятность знакомства с ними Пушкина до написания рецензии крайне невелика: собрание сочинений Балланша было труднодоступно в России, к тому же метафизические системы подобного рода мало занимали русского поэта. Заметим также, что «провиденциальный случай» появляется у Балланша не в связи с проблемой законов истории, но в связи с проблемой морали, т.е. на микро-, а не макроуровне.

Эта концепция, сколько можно судить, не получила заметного отклика у современников, и философский термин «*hasard providentiel*» не вошел в обиход. Между тем в обыденном языке это выражение существовало уже в 1810-е годы. Так говорили о неожиданности, обычно приятной; «*par un hasard providentiel*» означало «по счастливой случайности». В вариантах к третьему тому «Войны и мира» читаем: «*Je vois un hasard providentiel de vous avoir rencontre*» [18, с. 433]; возможный перевод: «В нашей встрече я вижу случай, ниспосланный провидением».

При всей стертости выражения его парадоксальная внутренняя форма давала повод для иронических замечаний:

«Разве случайность и Провидение не две взаимоисключающие антитезы? Ведь если вас спасает случайность, то это не Провидение; а если Провидение снизошло до присмотра за вашей

² Имя Ballanche передается в русской научной литературе двояко: Баланш и Балланш.

судьбой, случай тут совершенно не при чем. Все ли, кроме репортеров, с этим согласны?» [44];

«Француз выпал из кареты, не сломав себе кости; он встает и, отряхиваясь, восклицает: “Это поистине providенциальный случай, что я не лишился жизни”. Ясно, что, если спасение было providенциальным, оно не могло быть случайным; но, несмотря на очевидную антиномичность этого выражения, в выборе эпитета высказывается благочестие» [32, р. 227].

Единственное значимое упоминание Пушкина о Балланше содержится в его речи «Мнение Лобанова о духе словесности» (1836): «Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескьё, – который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; <...> который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо <...>» [12, с. 69]. Балланш здесь объединен с Шатобрианом, в отличие от историков по-преимуществу. Упоминание о Балланше, по предположению В.А. Мильчиной, восходит к рассказам А.И. Тургенева, который был дружен с Балланшем [3, с. 149].

Нередко в пушкинском наброске усматривают полемику с историками эпохи Реставрации. «Пушкинский исторический providенциализм» противопоставляется «фатализму новой школы французских историков»: «Пушкин хочет видеть историю гибким взглядом и спорит с логическим детерминизмом Гизо» [17, с. 62].

Многие историки «новой школы» действительно были склонны рассматривать все значимые события как исторически неизбежные. Тем не менее представление о «фатализме новой школы», по-видимому, преувеличено. Жесткий детерминизм характерен скорее для просветительского мировоззрения, согласно которому «мир устроен в соответствии с математическими законами» [2, с. 686]. При этом в своих исторических работах просветители как раз были склонны преувеличивать значение случая.

В последние десятилетия XVIII в. во Франции получил хождение оборот «великие следствия малых (мелких) причин». Последователь Вольтера Ж.Ф. Лагарп говорил о «своего рода удовольствии, которое мы находим в сведении великих следствий к мелким причинам. Мы, например, сто раз повторяли, что чашка с водой, пролитая герцогиней Мальборо на платье госпожи Мэшем, оказалась спасением Франции, потому что она привела к ссоре между

фавориткой и королевой Анной, закончившейся отставкой герцогини Мальборо <...>. Хорошо, что история замечает такие мелочи, естественным образом связанные с более крупными событиями, и если сохранять осторожность, в этой связи нет ничего необычного» [34, р. 74].

Однако в то же самое время Луи де Бональд, предшественник французских традиционалистов, осуждал Монтескье-историка за то, что тот «всегда объясняет великие следствия малыми причинами» («Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе», кн. V, гл. 5) [25, р. 384].

Эту критику продолжили историки эпохи Реставрации. Анонимный рецензент перевода трактата Гердера о философии истории писал: «...Кажется, что случай управляет событиями; человек склонен видеть причину этого в самых случайных прихотях или происшествиях и, подобно Вольтеру, пытается объяснить великие следствия малыми причинами» [32 а]. Год спустя Балланш по поводу «Опыта о нравах» Вольтера замечает: «Эта излюбленная система характеризуется распространенной поговоркой: великие следствия малых причин» [цит. по: 16, с. 518].

Воззрения «новой школы» Б.Г. Реизов в своей монографии характеризует так: «“Сила вещей” не предугадывает всей суммы событий и действий; это лишь общее направление развития [в пушкинском наброске – «общий ход вещей». – К. Д.], которое может осуществляться в самых неожиданных формах и комбинациях. Другое отличие [от фатализма] заключается в том, что фатум – сила слепая и неразумная, но провидение, о котором толкуют доктринеры, т.е. попросту законы исторического развития, ведет человечество к разумной и благой цели. Провидение – это и есть разум, мировой и “исторический”» [16, с. 139].

Стремление к установлению исторических закономерностей Пушкин приветствовал. В речи «Мнение Лобанова...» он, имея в виду прежде всего философию и историю, с одобрением говорит о том, что «теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству» [12, с. 72].

В наброске о Полевом та же мысль проводится применительно к «новой школе»: «Гизо объяснил одно из событий христианской истории: европейское просвещение. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие, и отклоняя все отдаленное,

все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и наконец <?> рассветающие века. Вы поняли великое достоинство фр.<анцузского> историка» [13, с. 127].

Замечание «Провидение не алгебра» адресовано Полевому, который пытается «приноровить систему новейших историков и к России» [13, с. 126]: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории христианского Запада» [13, с. 127]³.

В сочинениях Гизо понятие «формула истории» не встречается. Понятие «общая формула истории» появилось в т. 1 «Опытов социальной палингенезии» Балланша [21, р. 17]. Позднее, в 1829 г., журнал «Revue de Paris» опубликовал эссе Балланша под заглавием «Общая формула истории всех народов, примененная к истории римского народа» [22].

Пушкин (что представляется нам несомненным) заимствовал это понятие из анонимной французской рецензии на т. 1 «Опытов социальной палингенезии»⁴. Ее перевод М. Погодин поместил в своем «Московском вестнике» в 1828 г. с собственными примечаниями. Рецензент так излагает мысли Балланша: «События составляют одну вещественную часть Истории; в событиях же сих сокрываются идеи, которым покорствуется ум человеческий, следовательно, и само тело; сим-то доказывается возможность всеобщей формулы Истории всех народов» [10, с. 497–498]. В примечании к этому месту Погодин восклицает: «Каков переворот в исторических мыслях у французов! Думали ли Миллоты⁵, что их внуки станут толковать об общих формулах Истории?» [10, с. 498; указано в работе: 3, с. 149]. Собственно «формула» в ее самом общем

³ Попутно заметим, что и сам Полевой, принимая идею закономерности исторического процесса («созерцание народов и государств как необходимых явлений каждого периода, каждого века»), далек от того, чтобы сводить Провидение к алгебре: «Историк не есть учитель логики»; «Когда и как окончится история России? Для чего сей исполин воздвигнут рукою промысла в ряду других царств? Вот вопросы, для нас нерешимые!» (предисловие к т. 1 «Истории русского народа») [11, с. 21–22, 26].

⁴ О «французском рецензенте» сказано в примечаниях Погодина. В том же номере журнала была напечатана «Зимняя дорога» Пушкина.

⁵ Клод Франсуа Клавье Милло (1726–1785) был автором многотомных исторических сочинений.

виде заключалась, согласно рецензенту, в прохождении через три стадии: века баснословные (мифологические), исторические, «века законов, века дальнейшего усовершенствования рода человеческого» [10, с. 498].

Свою «общую формулу» Балланш не случайно применил прежде всего к римской истории. История Франции, да и всей Европы, была для него продолжением истории Рима: «Римская история <...> вошла в состав нашей общественной жизни, наших нравов, наших мнений, наших законов; в другой своей форме она является, чтобы выстраивать наши новые мысли, те, что должны войти в состав нашей будущей общественной жизни» [22, р. 142].

Такие воззрения были вообще характерны для французских историков. «Рим, этот мир права, должен был занять большое место в формуле истории человечества», — писал Жюль Мишле [38, р. 8]. Эта «формула», однако, оказывалась неприменимой к странам, оставшимся вне влияния римского права и римской церкви, что и подчеркивает Пушкин в своем наброске.

Александр Долинин, анализируя «Историю Пугачева», приходит к выводу о коренном различии исторических взглядов Пушкина и французских историков-романтиков. «Вопреки догматам новых историков, Пушкин изображает социальные потрясения как нагромождение непредвиденных обстоятельств, вторжение хаоса и непредсказуемости в установленный порядок»; «опека Провидения над Россией проявляется лишь в непредсказуемых, случайных происшествиях, в нарушении исторических законов, а не следовании им» [27, р. 298, 307].

Первый из этих выводов, относящийся непосредственно к «русскому бунту» в «Истории Пугачева», доказывается в работе Долинина как нельзя более убедительно. Однако второй вывод кажется нам неоправданным обобщением; в частности, он не согласуется с набросками по поводу «Истории...» Полевого. Пушкин отнюдь не отказывается от поисков «формулы» русской истории на вполне рациональных основаниях — социально-политических и культурно-религиозных. В знаменитом письме к Чаадаеву, в котором речь идет об «особом предназначении» России, новая русская история рассматривается как движение со вполне определенным вектором — как все более тесное вхождение России в круг европей-

ских стран; «будущий историк», по мнению Пушкина, едва ли «поставит нас вне Европы» [14, с. 172, 393].

Немецкая исследовательница Криста Эберт задается вопросом: «Является ли случай для Пушкина символом непредсказуемости истории или же орудием Провидения, <...> и тем самым приобретает все-таки определенную функцию в ходе исторического процесса?» Однозначного ответа тут нет – «вопрос остается открытым» [20, с. 324]. Аргументы в пользу второго толкования можно усматривать в творчестве Пушкина, который выбирает «переломные моменты русской истории <...> (т.е., по Лотману, взрывные моменты, когда открывается целый спектр вероятных возможностей перехода из одного состояния в другое)» [20, с. 324].

Афористические параллели

Если искать во французской литературе переключки с пушкинским афоризмом, то прежде всего приходит на мысль афоризм Никола Шамфора, включенный в его «Максимы и мысли» (опубликовано посмертно в 1795 г.). Указано немало случаев сходства пушкинских высказываний с «Максимами и мыслями», но эта параллель, насколько нам известно, не привлекала внимания.

У Шамфора читаем: «*Quelqu'un disait que la Providence était le nom de baptême du Hasard, quelque dévot dira que le Hasard est un sobriquet de la Providence*» [26, p. 34]. – «Кто-то заметил, что Провидение – имя, данное Случаю при крещении; человек набожный скажет, что случай – ходячее прозвище Провидения». В переводе Ю. Корнеева и Э. Линецкой подчеркнуто антиклерикальное звучание мысли Шамфора: «Кто-то заметил, что Провидение – христианское имя случая; святоша, пожалуй, сказал бы, что случай – уличная кличка Провидения» [15, с. 376].

«*Le nom de baptême*» – букв. «крестное (крестильное) имя». У Шамфора подразумевается, что языческий Случай (Фортуна римлян) в христианстве получил имя Провидения. Шамфор отвергает христианский провиденциализм, согласно которому все происходящее в мире есть часть благого Божьего промысла. В его афоризме хронологически – если можно так выразиться – на первом месте должна бы стоять вторая часть, которая «опрокидывается» скептической первой частью: Провидения не существует,

случай не есть часть какого-то высшего замысла. Пушкин, казалось бы, приходит к прямо противоположному выводу; однако не следует забывать, что в его рассуждениях Провидение означает не то же самое, что у Шамфора.

Вторая часть афоризма Шамфора имела вполне конкретный источник: эпистолярный роман геновца Джованни Паоло Марана (1642–1693), обычно именуемый «Турецкий шпион». Два первых тома вышли одновременно на итальянском и французском языках в Париже в 1784 г. Итальянское издание называлось «Турецкий шпион и его секретные донесения, посылавшиеся в Оттоманскую Порту, обнаруженные в Париже в царствование Людовика Великого» («L'Esploratore turco e le di lui relazioni segrete...»); французское – «Шпион султана и его секретные донесения константинопольскому дивану...» («L'Espion du Grand-Seigneur...»). В 1687–1694 гг. в Лондоне вышло уже 8-томное, расширенное издание под заглавием «Письма, написанные турецким шпионом...» («Letters Written by a Turkish Spy...»). За ним последовали 8-томные французские издания под заглавием «Шпион при дворах христианских государей...», а также немецкий перевод [42].

«Турецкий шпион» обладал чертами одновременно философского и авантюрного романа. Он положил начало особому жанру эпистолярных романов о Европе, написанных от лица чужеземца, включая «Персидские письма» Монтескье. Между прочим, именно Марана ввел в оборот сентенцию «Ничто не ново под луной» [см.: 5, с. 195].

Нумерация писем в различных изданиях менялась. Интересующее нас письмо в первых французских изданиях носило № 53, в позднейших – № 101, а в т. 2 английского перевода – № 15. По содержанию это философское эссе о случае и судьбе. Цитирую французский перевод: «Язычники, изображая Фортуну слепой, тем самым показали лишь, что сами ничего не видят. Ошибкой вдвойне было приносить жертвы богине, которая не могла распознать своих почитателей. И все же, я полагаю, еще более достойны осуждения христиане, называющие ее непостоянной, пристрастной, распутной и т.д. Это профанация Провидения и нечестивые сетования на предназначенную нам участь. Удача и случай – всего лишь ходячие прозвища, которые даются судьбе (La fortune et le hasard ne sont que des sobriquets qu'on a donné à la destinée),

ибо в мире, конечно, нет ничего случайного» (курсив наш. – К. Д.) [37, p. 162, Lettre LIII].

В XX в. свою версию предложил испанский писатель Мигель де Унамуно (1864–1936): «...Случай и Провидение – это одно и то же. Случай провиденциален, а провидение – случайно (*El azar es providente o la Providencia es azorosa*)» (роман «Туман» (1914), «Приложение») [19, с. 203; 46, p. 342]⁶.

В большинстве сентенций подобного рода, появившихся после афоризма Шамфора, место Провидения занял Бог. Наиболее известен афоризм Теофиля Готье из романа в письмах «Бернийский крест». Роман принадлежал перу четырех авторов; письмо III, написанное Готье, появилось в парижской «La Presse» 11 июля 1845 г. Здесь говорилось: «Вы напрасно желали бы подчинить себе случай; просто не мешайте ему – он куда лучше Вас знает, что Вам нужно. – Случай – это, возможно, псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться собственным именем (*quand il ne veut pas signer*)» [30, p. 1; 31, p. 28].

Имена авторов книги и ее отдельных частей были указаны лишь в издании 1855 г., но афоризм Готье был замечен сразу. Уже 13 июля Пьер Готье, отец Теофиля, процитировав его афоризм, спрашивал: «Кто, кроме тебя, думает так же?» [29, p. 265].

Наибольшую известность изречение Готье получило в Англии в версии Томаса Де Квинси: «...Как с изысканным красноречием заметил один француз⁷ <...>, “Случай – всего лишь псевдоним Бога для тех особых okazji, когда он не подписывается открыто своим собственным именем (*does not to subscribe openly with his own sign-manual*)”» (повесть «Испанская монахиня-воительница», 1847) [40, p. 17]. «Sign-manual» – юридический термин «собственноручное подписание»; в XIX в. обычно имела в виду подпись правящего монарха.

В английских антологиях цитат второй половины XIX в. изречение Готье в версии Де Квинси было приписано Сэмюэлу Кольриджу; так же поступила Елена Блаватская: «В Природе не существует “случайности”, в каждой ее части все математически точно согласовано и взаимосвязано. “Случай, – говорит Кольридж, – всего

⁶ Публиковалась и другая версия: «...Он верит в случай, т.е. в Провидение, потому что случай и Провидение случайны» [45, p. 181].

⁷ Де Квинси не знал имени автора.

лишь псевдоним Бога (или Природы) для тех особых okazji, когда он не подписывается открыто своим собственным именем”. Замените слово “Бог” словом “Карма”, и вы получите восточную аксиому» («Тайная доктрина» (1888), т. 1, гл. 17) [24, р. 653; указано в работе: 39].

В XX в. в ряде англоязычных справочников, включая весьма авторитетные, этот афоризм был приписан Анатолью Франсу, у которого встречается нечто похожее: «В жизни следует помнить о роли случая. В конечном счете случай есть Бог» («Сад Эпикура», 1897) [39; 28, р. 132].

В последние десятилетия XX в. появился еще один вариант: «Случайность – это когда Бог желает сохранить анонимность» («Coincidence is God’s way of remaining anonymous»). Ныне этот афоризм обычно приписывается Эйнштейну – надо полагать, потому, что он говорил «Господь Бог не играет в кости», оспаривая вероятностную интерпретацию квантовой механики [см.: 4, с. 849].

Список литературы

1. Бонди С. Черновики Пушкина: статьи 1930–1970 гг. М.: Просвещение, 1978. 230 с.
2. Вольтер. Философия: [Статья из «Философского словаря»] / пер. С.Я. Шейнман-Топштейн // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 682–689.
3. Гиллельсон М.И., Мильчина В.А. Комментарии // Современник: Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 41–248.
4. Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. М.: Эксмо, 2011. 1216 с.
5. Душенко К.В. Цитаты из русской литературы: 5500 цитат от «Слова о полку...» до Пелевина. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. 671 с.
6. Измайлов Н.В. Литературный фон поэмы «Медный всадник»: вступит. заметка // Пушкин А.С. Медный всадник / изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л.: Наука, 1978. С. 125–127.
7. Кибальник С.А. Тема случая в творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука, 1995. Т. 15. С. 60–75.
8. Ларионова Е. «Всадник, Папою венчаный...»: Пушкин и наполеоновский миф // Пинакотекa. М., 2001. № 1/2. С. 31–34.

9. *Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции / пер. с фр. Г. Абрамова и Т. Шмачкова. М.: РОССПЭН, 1997. 215 с.
10. Опыты о палингенезии обществ (*Essai de palingénésie sociale*). Соч. Балланша. 1828 // Московский вестник. М., 1828. Ч. 7, № 4. С. 496–500. (Подпись: Л.)
11. *Полевой Н.А.* История русского народа. Собрание сочинений: в 3 т., 6 кн. М.: Вече, 1997. Т. 1, кн. 1–2. 632 с.
12. *Пушкин А.С.* Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной: (Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии.) // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 67–74.
13. *Пушкин А.С.* <О втором томе «Истории русского народа» Полевого> // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 125–127.
14. *Пушкин А.С.* Письмо к П.Я. Чаадаеву. 19 октября 1836 г. // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 16. С. 171–173, 392–394.
15. Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. СПб.: Terra fantastica; Корвус; РоссКо, 1995. 544 с.
16. *Реизов Б.Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 533 с.
17. *Сурат И.З., Бочаров С.* Пушкин: краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 236 с.
18. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Худож. лит., 1953. Т. 14. 447 с.
19. *Унамуну М. де.* Туман / пер. А. Грибанова // *Унамуну М. де.* Туман; Авель Санчес; Валье-Инклан Р. дель. Тиран Бандерас; Бароха П. Салакаин Отважный; Вечера в Буэн-Ретиро. М.: Худож. лит., 1973. С. 37–206.
20. *Эберт К.* Случай и случайность в исторической прозе и историографии А.С. Пушкина // Случайность и непредсказуемость в истории культуры: Материалы Вторых Лотмановских дней в Таллинск. ун-те (4–6 июня 2010 г.). Таллин, Изд-во ТЛУ, 2013. С. 316–332.
21. *Ballanche P.-S.* Essais de palingénésie sociale. Paris: Didot, 1827. Т. 1: Prolégomènes. 406 p.
22. *Ballanche P.-S.* Formule générale de l'histoire de tous les peuples, appliquée à l'histoire du peuple romain // *Revue de Paris*. Paris, 1829. Т. 2. P. 138–155.
23. *Ballanche P.-S.* Réflexions diverses // *Ballanche P.-S.* Oeuvres. Paris; Genève: J. Barbeza, 1830. Т. 3. P. 345–414.

24. *Blavatsky H.P.* The Secret Doctrine: The Synthesis of Science, Religion and Philosophy. London: Theosophical Publishing Company, 1888. Vol. 1: Cosmogogenesis. 676 p.
25. [*Bonald L.-G.-A. de*]. Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile / Par M. de B***. [Constance: Éditeur inconnu], 1796. T. 1. 574 p.
26. *Chamfort N.* Oeuvres / Recueillies et publiées par un de ses amis. Paris: Directeur de l'Imprimerie des Sciences et Arts, 1795. T. 4. 344 p.
27. *Dolinin A.* Historicism or Providentialism? Pushkin's History of Pugachev in the Context of French Romantic Historiography // *Slavic Review*. Cambridge, 1999. Vol. 58, № 2. P. 291–308.
28. *France A.* Le jardin d'Épicure. Paris: Calmann-Lévy, 1893. 238 p.
29. *Gautier T.* Correspondance générale. Genève; Paris: Droz, 1986. T. 2: 1843–1845. 392 p.
30. [*Gautier T.*] La Croix de Berny: Lettre III // *La Presse*. Paris, 1845. 11 juillet. P. 1–2.
31. *Girardin D. de, Gautier T., Sandeau J., Méry J.* La croix de Berny: Roman Steeple-Chase. Paris: Librairie Nouvelle, 1855. 320 p. (1-е изд.: 1845.)
32. *Hamerton P.G.* How we are really becoming less religious // *Hamerton P.G.* Human Intercourse. Boston: Little, Brown, and Co, 1898. P. 215–231.
- 32 a. Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité, Par Herder, Ouvrage traduit de l'allemand par Edgar Quinet // *Le pandore: journal des spectacles, des lettres, des arts...* Paris, 1828. N 1787, 12 Avril. P. 2.
33. *La Fontaine J. de.* Fables choisies mises en vers. Paris: Association pour la diffusion de la pensée française, 1946. 463 p.
34. *La Harpe J.-F. de.* Réfutation du livre De l'esprit: prononcée au Lycée Républicain, dans les Séances des a6 et 29 Mars et des 3 et g Avril. Liege: J.A. Latour, 1797. 168 p.
35. *Maistre J.-M. de.* Considérations sur la France / Seconde édition revue par l'Auteur. – Londres [i.e. Basel: Unknown publisher], 1797. 256 p.
36. *Maistre J.-M. de.* Lettres et opuscules inédits. Paris: A. Vatou, 1851. T. 1. 590 p.
37. *Marana G.P.* L'Espion dans les cours des princes chrétiens, ou lettres et memoires d'un envoyé secret de la Porte dans les cours de l'Europe. Cologne: E. Kinkius, 1700. T. 2. 382 p.
38. *Michelet J.* Histoire romaine: République. Première partie. Paris: Hachette, 1833. T. 1. 411 p.
39. *O'Toole G.* Chance, Coincidence, Miracles, Pseudonyms, and God // *Quote Investigator: Exploring the Origins of Quotations* [Авторский сайт]. URL: <https://quoteinvestigator.com/2015/04/20/coincidence/#return-note-11023-24> (дата обращения: 07.06.2019).

40. *Quincey T. de*. The Spanish Military Nun // *Quincey T. de*. Selections Grave and Gay: From Writings Published and Unpublished. Edinburgh: J. Hogg; London: R. Groombridge, 1854. Vol. 3. P. 1–98. (Журн. публ. под загл. «Catalina de Erauso, the Nautico-Military Nun of Spain»: «Tait's Edinburgh Magazine», 1847.)
41. *Ravel A.* De la providence de Dieu. Tolose: J. Boude, 1650. 510 p.
42. *Rotta S.* Gian Paolo Marana // La letteratura ligure: La Repubblica aristocratica (1528–1797). Genova: Costa & Nolan, 1992. Vol. 2. P. 153–187.
43. *Saint-Simon L. de*. Mémoires complets et authentiques du duc de Saint-Simon sur le siècle de Louis XIV et la régence. Paris: A. Sautelet, 1829. T. 8. 441 p.
44. Un hasard providentiel // L'intermédiaire des chercheurs et curieux. Paris, 1867. № 74, 25 janvier. Col. 36. Подпись: A.D.
45. *Unamuno M. de*. Mi vida y otros recuerdos personales: 1889–1916. Buenos Aires: Editorial Losada, 1959. T. 1: 1889–1916. 203 p.
46. *Unamuno M. de*. Obras completas. Madrid: A. Aguado, 1958. T. 8: Autobiografía y recuerdos personales. 1270 p.
47. *Walpole H.* Letters Addressed to the Countess of Ossory from the Year 1769 to 1797. London: Richard Bentley, 1848. Vol. 1. 473 p.